

Проповедь протоиерея Андрея Ткачева

Богатство ищут, счастья ждут. А старость не ждут и не ищут. Она приходит сама и без стука. Поначалу человек раздваивается. Внутренне он чувствует себя молодым, а в зеркале видит кого-то сильно помятого. Но потом человек смиряется. Он признает себя стариком и внутри, и снаружи, и если здесь нет отчаяния, нет на Бога обиды, то вполне возможно, что это начало подлинной мудрости.

В древности святость ассоциировали именно со старостью. Тело смирилось, похоть увяла, мир утомил однообразием разыгрывающихся сцен и наглым господством греха. А вера укрепилась, пройдя через искушения, и молитва не умолкла, и мысли об иной жизни занимают сердце, то пугая, то обнадеживая.

У молодых этого нет и близко. Им кажется, что мир можно в карман положить, как «ключ от квартиры, где деньги лежат». Это умирает человек, сложив крестообразно на груди разжатые ладони, и ничего в них не уносит с собой. А рождается человек, крепко сжимая кулачки, и долго потом за все цепляется и хватается, пока, наконец, поймет, что ничего ему по-настоящему не принадлежит.

Возраст понимания, что тебе ничего не принадлежит, есть возраст мудрости и опытной слабости. Ребенок тоже слаб, но слаб неопытно. А старик, миновав сильную зрелость, опять вернулся в немощь, но имеет знание и опыт. В это время он, в идеале, должен иметь веру и молитву. Если нет их у него, значит не тот у него опыт, и старость его рискует представить из себя нечто абсурдное и нравственно отталкивающее.

Мы нынче много лишены. Цивилизацией нам подарены холодильники и телевизоры вкупе с завышенной самооценкой, зато смысл жизни от нас спрятался. Все как-то перекошилось и набок съехало. Стало трудно говорить о самых простых вещах.

Многие до старости не доживают, то есть перешагивают порог вечности абсолютно сырыми и неготовыми. И это не потому что – война или голод, а потому что наркотики, экстремальные удовольствия и просто грех за компанию с абсурдом пожинаят жатву ничуть не меньшую.

Если же доживет до старости человек, то вполне возможно, что будет он при помощи косметики, подтяжек и подрезок обманывать собственное зеркальное отображение. Будет одеваться по-молодежному, ловить новости и делать вид, что он «в курсе». Короче, будет человек смешить юную поросль, для которой и сорокалетние-то люди кажутся динозаврами, не то, что семидесятилетние.

Мы говорим об этом потому, что Младенец Иисус был встречен в Иерусалимском храме именно представителями благочестивой старости. Ветхие, как сам Завет, который они олицетворяли, Симеон и Анна видели в Младенце не просто еще одного ребенка, а – наконец-то пришедшего Христа.

О Симеоне говорено много. Об Анне – меньше. Все, что мы знаем о ней, это то, что она была женщина *«достигшая глубокой старости, прожив с мужем от детства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь»* (Лук. 2:36-37).

Быть может, это тот тип женщин, которые умеют любить только раз и, соответственно, только одного человека. Такой же была наша соотечественница – Ксения Петербургская. Мысль о повторном браке для таких женщин невозможна. После смерти супруга они и сами умирают для привычной жизни, и в ожидании ухода из этого мира заняты только молитвой и воздержанием.

Не цепляясь за эту жизнь и ничего в ней для себя не желая, эти люди очень нужны всем остальным. Не будь их, этих всецело отданных Богу людей, кто знает, смогли бы мы, при нашей теплохладности, передать эстафету следующим поколениям? Не обречена ли была бы вера на угасание и исчезновение, если бы хранили и исповедовали ее только такие люди, как мы, и никто лучше нас?

Анна была вознаграждена видением Христа и узнаванием Его! Последнее – самое важное, поскольку видели Христа многие, но узнавали в Нем Мессию далеко не все. И это неузнавание было тем более тяжким, что оставалось оно в людях при слышании проповеди Христовой, при видении исцелений и воскрешений, совершенных Им, при насыщении из рук учеников умноженными Им хлебами.

А Анна ничего еще не видела и не слышала, кроме Маленького Ребенка на руках юной Матери. Но, жившая в Боге, Богом была она научена узнать Искупителя в этом Младенце. Это знание она в себе не удерживала, но «славилась Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лук. 2:38).

Что до Симеона, то мне кажется очень важным то, что это человек, не боящийся умирать. Его жизнь была не чередой случайных дней, а осмысленным ожиданием встречи с Христом. Знал он и то, что после долгожданной встречи ему нужно будет сей мир покинуть. Встреча состоялась, и старец ушел из храма умирать.

Я уверен, что умирал он без страха. Руки старца помнили теплую тяжесть тела Божьего Сына, и эта память прогоняла всякий страх. Мне неизвестен никто, кто сказал бы об этой смерти, произошедшей после встречи, лучше Бродского.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.

Он шел по пространству, лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.

И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою
как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотолле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.

Светильник светил, и тропа расширялась.

Мы будем умирать. Будем ли мы перед смертью молиться, зависит не в последнюю очередь от того, молимся ли мы сейчас. Удостоит ли нас Господь смерти «безболезненной, непостыдной, мирной» – это вопрос. Может быть, самый важный вопрос.

И мы будем стареть. Мы уже стареем. В этих печальных словах есть немножко радости, радости о том, что избавление приближается. Кто знает, удастся ли нам дожить до почтенного возраста и полной седины? Если удастся, то сохраним ли мы ясный ум и твердую веру, тоже пока неизвестно.

Важно принять жизнь, как подарок, и отпущенную чашу допить до капли, ничего не проливая и не расплескивая. Важно жить так, чтобы пребывая еще на земле, душевные корни пускать в иную, пока еще невидимую для глаз жизнь, и к ней готовиться.

Жизнь молодежи полна целей и планов. Но есть своя цель и у старости. Звучит она грозно, и коротко, и не всем понятно. Цель старости – приготовиться к вечности, и шагнуть в нее с молитвой Симеона: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...